

На правах рукописи

Ковалев Михаил Владимирович

**РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В
ЧЕХОСЛОВАКИИ В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ 1920–1970-Х ГОДОВ**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Автореферат
диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2024

Работа выполнена в Лаборатории институциональной истории XX века Института всеобщей истории Российской академии наук

Научный консультант:

Мирзаханов Велихан Салманханович, доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского государственного университета

Фандо Роман Алексеевич, доктор исторических наук, директор Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН

Фельдман Давид Маркович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева»

Защита состоится «18» «декабря» 2024 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.042.01., созданного на базе Института всеобщей истории РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский пр., 32а, ауд. 1406.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте www.igh.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
д.и.н.

Тогоева О.И.

Общая характеристика исследования

Актуальность диссертационного исследования.

В истории российской послереволюционной научной эмиграции Чехословакия сыграла особую и ни с чем несравнимую роль. Благодаря программе «Русская акция» (Ruská rotopná akce), инициированной летом 1921 г. властями республики, тысячи беженцев получили необходимую материальную поддержку. При этом главный упор был сделан на помощь студентам и ученым, которые обрели шанс продолжить работу или учебу за границей. Широкий патронаж со стороны официальных властей и отдельных меценатов предопределил превращение Праги в «русский Оксфорд», складывание там разветвленной эмигрантской интеллектуальной инфраструктуры. Эмигрантское присутствие было заметно не только в столице, но и в других городах – в Брно, Братиславе, Кошице, Пльзене и др. В Чехословакии сложилось устойчивое эмигрантское научное сообщество, однако его численность не была постоянной и постепенно сокращалась. На разных временных отрезках в Чехословакии жили и работали геологи Н.И. и Д.Н. Андрусовы, почвоведы П.В. Отоцкий и Б.Н. Одинцов, экономисты С.Н. Прокопович и П.Б. Струве, историки А.А. Кизеветтер и А.В. Флоровский, историки искусства Н.П. Кондаков и Н.Л. Окунев, философы Н.О. Лосский и Б.В. Яковенко, инженеры А.С. Ломшаков и Г.Г. Кривошеин, биологи М.М. Новиков и В.С. Ильин, лингвисты Л.В. Копецкий и А.В. Исаченко, литературоведы Е.А. Ляцкий и С.Г. Вилинский, социологи П.А. Сорокин и Г.Д. Гурвич, правоведы Д.Д. Гримм и П.И. Новгородцев и многие другие.

Наука всегда выступает как пространство взаимодействия, а из этого вытекает важность изучения ее коммуникативного аспекта. Коммуникации могут иметь различные проявления, отражая в себе особенности межличностного и группового взаимодействия отдельных ученых и научных школ, научных организаций. Несмотря на значительный интерес исследователей к истории российской научной эмиграции, ее место в системе международных интеллектуальных коммуникаций изучено недостаточно. Это обстоятельство придает настоящему исследованию несомненную научную актуальность. Российские ученые-эмигранты в Чехословакии оказались втянуты в многослойную систему международных интеллектуальных коммуникаций, которые при этом не ограничивались пространством этой славянской страны, а расширялись до мирового масштаба. Интербеллум был сложным и противоречивым периодом в истории международных научных связей, когда национальные и интернациональные тенденции находились в состоянии острой конкуренции. Во многом это было наследие Первой мировой войны. Однако за неопределенностью и нестабильностью

1920–1930-х гг. последовала катастрофа Второй мировой войны, а после нее – драма войны Холодной. Ученые в разных странах мира, в том числе русские эмигранты, были вынуждены реагировать на внешние обстоятельства и переживаемые глобальные трансформации.

Научная актуальность исследования также связана с формированием и развитием новых междисциплинарных парадигм. В последнее время в науковедческой литературе все чаще пытаются осмыслить сложные способы циркуляции знаний между различными частями света в условиях глубоких исторических трансформаций (мировые войны, революции, социально-экономические кризисы и др.). Наряду с этим новейшие историографические тенденции показывают интерес к вопросам трансляции знаний и идей в Центральной и Восточной Европе. Взаимодействие между русскими учеными-эмигрантами и их зарубежными, в том числе чехословацкими, коллегами является прекрасным примером для тщательного изучения разнообразных транснациональных каналов обмена знаниями.

Важнейшим показателем **оригинальности исследования** является использование обширной эмпирической базы на разных языках, введение в научный оборот новых документов из архивов разных стран, что сделано впервые в историографии применительно к изучению локального эмигрантского научного центра. Все это позволило расширить географические и хронологические горизонты истории интеллектуальных взаимодействий русских ученых-эмигрантов.

Новизна исследования состоит в том, что впервые в историографии предпринята попытка изучения роли и места локального русского эмигрантского научного сообщества в Чехословакии в системе международных интеллектуальных коммуникаций. Имеющиеся работы, как правило, сосредоточены на конкретных персонах и оценке их вклада в отечественную и мировую науку, и не дают обобщающей картины. Новизна исследования также связана с постановкой целого ряда новых задач, как, например, изучение взаимодействий русских ученых-эмигрантов с чехословацкой научно-исследовательской инфраструктурой 1920–1930-х гг., анализ индивидуальных моделей интеграции ученых в научную среду социалистической Чехословакии. Интеллектуальные коммуникации российской научной эмиграции впервые изучены посредством сравнительного анализа как официальных, так и неофициальных каналов обмена знаниями.

Объектом исследования выступает локальный научный центр российской эмиграции, сложившийся в Чехословакии, составными частями которого являются научные институты и конкретные ученые.

Предметом исследования служат коммуникативные практики и интеллектуальные взаимодействия русских ученых-эмигрантов, проявившиеся на разных уровнях: внутри эмигрантского сообщества, в

рамках чехословацкой науки и науки славянских стран, а также на уровне мировой науки в целом.

Цель исследования – изучить российское научное сообщество в Чехословакии в системе международных интеллектуальных коммуникаций в хронологических рамках 1920–1970-х гг.

Для реализации поставленной цели обозначены следующие **задачи**:

- показать влияние «Русской акции» чехословацкого правительства на формирование российского научного центра в Чехословакии, оценить первоначальные задачи, ход реализации и итоги этой программы в контексте развития научного знания;

- проанализировать взаимодействие российских и чехословацких ученых в рамках работы различных чехословацких институций: высших школ и научно-исследовательских институтов, осмыслить практики включения и исключения в местную интеллектуальную среду;

- выявить примеры попыток российско-чехословацкого интеллектуального сближения на примере работы конкретных эмигрантских институций;

- обрисовать место конкретных эмигрантских институций в выстраивании сети международных контактов, в том числе в ходе реализации совместных научных проектов;

- рассмотреть практики российских ученых-эмигрантов по изучению Чехословакии и иных славянских стран;

- выявить примеры презентаций результатов исследований на международных научных мероприятиях;

- комплексно изучить систему международных связей эмигрантской организации (на пример Археологического института имени Н.П. Кондакова);

- продемонстрировать модели интеграции российских ученых в научную жизнь послевоенной Чехословакии и других социалистических стран.

Хронологические рамки исследования укладываются в примерно полувековой период от зарождения независимой Чехословакии в 1918 г. и появления там первых ученых-эмигрантов из России до 1970-х гг., когда последние представители научной эмиграции уйдут из жизни. Верхняя граница определяется также первыми попытками академического изучения феномена российской научной эмиграции в Чехословакии, которые как раз были предприняты на рубеже 1960–1970-х гг. Подобные широкие хронологические рамки впервые позволили проследить динамику русской эмигрантской научной жизни на фоне стремительно менявшихся общественно-политических контекстов.

Степень изученности проблемы. Первые работы, затрагивающие судьбы российского научного сообщества в Чехословакии, появились еще в 1920–1930-е гг. и принадлежали перу самих эмигрантов

(И.И. Гапанович, А.А. Кизеветгер, Ф.Ф. Никишин, М.М. Новиков, А.В. Флоровский и др.). В послевоенный период появились обобщающие исследования П.Е. Ковалевского. Достоинством работ является попытка вписать эмигрантскую науку в общемировой контекст и одновременно показать ее связь с российскими интеллектуальными традициями. В то же время нельзя не признать, что эти публикации носили описательный, библиографический характер.

В советской историографии о российской послереволюционной научной эмиграции долгое время можно было писать лишь в обличительном ключе. Первые опыты научного обращения к творческому наследию российской эмиграции были предприняты на волне хрущевской Оттепели. Так в 1960-е гг. появились работы Л.П. Лаптевой о В.А. Францеве. В 1985 г. появилась монография И.Л. Кызласовой о научном наследии Н.П. Кондакова. И.Л. Кызласова стала ведущим специалистом по жизни и творчеству ученого, в том числе по его международным связям. В конце 1980 – начале 1990-х гг. интерес к истории русской эмиграции усилился. В 1992 г. посмертно издана неоконченная монография В.Т. Пашуто о русских историках-эмигрантах.

В 1990-е гг. проблемам науки Зарубежной России, в том числе в Чехословакии, были посвящены работы М.Г. Вандалковской, Е.О. Пивовара, Ю.Н. Емельянова, М.А. Шпаковской, А.В. Антощенко, Н.Н. Болховитинова, В.И. Цепиловой, М.Ю. Сорокиной и др.

Важнейшими центрами изучения российской научной эмиграции, в том числе в Чехословакии, стали Институт славяноведения РАН (Л.С. Кишкин, Е.П. Серапионова, Е.П. Аксенова, М.Ю. Досталь, А.Н. Горяинов, М.А. Робинсон, В.И. Косик), Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН (В.П. Борисов, Т.И. Ульянкина, Р.А. Фандо), Архив РАН и его Санкт-Петербургский филиал (И.В. Тункина, Е.Ю. Басаргина, В.Ю. Афиани). Появились важные исследования по социальной истории эмигрантской науки (В.Ю. Волошина), научным коммуникациям и архивному наследию эмиграции (С.И. Михальченко) и др.

В социалистических странах Европы, в том числе в Чехословакии, изучение наследия российской эмиграции хотя и было сковано различными ограничениями, но не было полностью запрещено. Упомянем для примера работы болгарской исследовательницы Ж. Выжаровой. Они были посвящены истории российско-болгарских научных связей, но в них был задан сильный международный вектор, что давало возможность вписать изучаемые коммуникации в широкое европейское интеллектуальное окружение.

Отдельные исследования о российской эмиграции появлялись и в социалистической Чехословакии (Т. Силлаба, З. Сладек). Новый этап наступил в конце 1980-х гг., когда проблематика российской эмиграции

стала полноправной частью научного дискурса. В 1991 г. в Славянской библиотеке была организована первая тематическая выставка «Эмиграция из СССР в межвоенной Чехословакии». В составе Славянского института в Праге создан специальный исследовательский отдел по изучению эмиграции, который добился значительных научных успехов. Большое место отводилось подготовке справочных изданий. Важнейшими историографическими вехами 1990-х гг. стали исследования З. Сладека, С. Тейхмановой, В. Вебера, И. Савицкого, А. Копрживовой, Л. Белошевой, М. Бубениковой, И. Вацека, Э. Ворачека и др. В 2000–2020-е гг., несмотря на общие перемены научной и политической конъюнктуры, и на уход из жизни многих видных специалистов, в чешской историографии сохранился значительный интерес к эмигрантской тематике (Л. Бабка, Я. Мах, Г. Никл, Й. Шаур, Ю. Янчаркова, Д. Гашкова, Т. Германн и др.).

Живой интерес к судьбам российской эмиграции, в том числе научной, проявляется в словацкой историографии (Л. Гарбулёва, М. Даниш и др.). Проблемы истории российской научной эмиграции изучаются болгарскими историками (П. Пейковска, М. Велева, Г. Рупчева, Р. Михнева, Н. Казанский, С. Рожков, Г. Петкова, П. Чумаченко, Т. Галчева и др.). В сербской исторической литературе эти сюжеты освещены в исследованиях М. Йовановича, М. Живанович. Польские историки также занимаются отдельными проблемами российской научной эмиграции (Р. Беккер, Т. Оболевич).

К истории российской эмиграции обращалось немало западных исследователей¹. Еще в межвоенный период сразу в нескольких странах появились первые исследования об этом историческом феномене. Упомянем книги немца Г. фон Римши, француза Ш. Ледре, американца У. Хантингтона. Несмотря на неподдельный интерес и искреннее сочувствие к русским беженцам, названные исследования носили все же научно-популярный характер; о судьбах интеллектуалов в них упоминалось кратко.

Интерес зарубежных исследователей к истории российской научной эмиграции, в том числе в Чехословакии, начал постепенно набирать обороты уже после Второй мировой войны. Ценными представляются исследования М. Раева, Э. Райнлендера, О. Бёсса, Н.В. Рязановского. Среди современных французских историков наибольший вклад в изучение научной эмиграции внесли работы Д. Бон-Грей, М. Ларюэль, Э. Менегальдо, К. Гусефф, С. Сирак. В немецкой историографии проблемы российской эмиграции отразились

¹ Термин этот во многом условный. В данном случае под западной историографией понимается в первую очередь англо-американская, немецкая и французская исследовательская литература.

в работах К. Шлэгеля, А. Хульч. Важнейшее значение имеет монография британского историка Е. Андреевой и ее чешского соавтора И. Савицкого о русской диаспоре в межвоенной Чехословакии.

Таким образом, современная историографическая ситуация отмечена несомненным глубоким интересом к российской научной эмиграции, включая Чехословакию. Между тем, несмотря на богатый имеющийся задел, имеются многочисленные тематические пробелы, отсутствуют обобщающие исследования по целому ряду важных сюжетов. Дальнейшее осмысление отдельных случаев позволит не просто расширить картину знаний о российской научной эмиграции, но даст возможность посмотреть на ее историю под иным углом, в ином ракурсе.

Источниковая база работы

Поскольку работа посвящена международным интеллектуальным коммуникациям, то разработка темы потребовала обращения к архивам разных стран с целью собирания сложной документальной мозаики. В процессе исследования были выявлены и проанализированы источники в 14 российских архивах и в 42 зарубежных архивах (Чехия, Словакия, Венгрия, Сербия, Болгария, Германия, Эстония, Финляндия, Дания, Великобритания, Франция, Бельгия, США, Португалия). Так материалы Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива литературы и искусства оказались важны для понимания институционализации русской науки за рубежом и отношений внутри эмигрантского научного сообщества. Их логично дополняли материалы зарубежных архивов, раскрывающие процесс подготовки и реализации «Русской акции», формы научного патронажа, деятельность различных институций по оказанию поддержки русским ученым за рубежом (Национальный архив Чешской Республики, Архив столичного города Праги, Архив Канцелярии Президента Республики, Архив Югославии, Русский архив Университета Лидса, Государственный архив Софии и др.) Важнейшее значение имело обращение к личным фондам русских ученых-эмигрантов в Литературном архиве Музея национальной литературы и в собрании Славянской библиотеки в Праге, что дало возможность исследовать важные сюжеты из истории внутриэмигрантских научных коммуникаций, связей с чехословацким и мировым научным сообществом, а также с коллегами из СССР. Полученную информацию логично дополняли документы Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала, которые, в частности, позволили проследить важные сюжеты из истории коммуникаций между учеными-эмигрантами и их советскими коллегами. Масштабные поисковые работы в академических архивах зарубежных стран (Масариков институт и Архив Академии наук Чешской республики, Отдел документации Института истории искусств Академии наук Чешской республики, Архив Словацкой академии наук, Отдел рукописей и редких книг Библио-

теки Венгерской академии наук, Научный архив Болгарской академии наук, Архив Сербской академии наук и искусств и др.) дали возможность реконструировать систему коммуникаций между русскими учеными-эмигрантами и их зарубежными коллегами. Эту исследовательскую линию продолжали работы с личными фондами зарубежных ученых в прочих архивах (Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии, Отдел рукописей Библиотеки Кембриджского университета и др.) Работа с материалами университетских архивов в Чехии и Словакии позволила проанализировать профессиональные траектории русских ученых за границей, их связи с местной высшей школой (Институт истории и архив Карлова университета, Архив Масарикова университета, Архив Университета Я.А. Коменского, Архив Чешского высшего технического училища и др.)

В диссертационном исследовании также использован обширный корпус опубликованных источников, который условно можно разделить на несколько групп. К первой следует отнести опубликованные документы личного происхождения. Важное значение имеют публикации частной и деловой переписки². Были использованы мемуары самих ученых-эмигрантов (Н.Е. Андреев, В.А. Мошин, М.М. Новиков, С.Г. Пушкарев и др.), их чехословацких и прочих зарубежных коллег (М. Мурко, М. Мышка, Б. Немец, Д. Повольный и др.), советских ученых (В.Е. Хаин, А.А. Зимин и др.)³. Вторую группу источников представляет опубликованная делопроизводственная документация эмигрантских и зарубежных научных и образовательных институций (например, отчеты Семинария (Института) имени Н.П. Кондакова, Славянского института в Праге и др.). К ней же логически примыкают чехословацкие законодательные источники, регулировавшие процессы создания и работы научных и учебных учреждений, порядок назначения профессоров и пр. Поскольку диссертация посвящена ученым, то одними из самых важных источников являются их научные и научно-популярные работы. В данном случае речь идет о многочисленных статьях и монографиях, опубликованных как в Чехословакии, так и за ее пределами. Изучение научных сочинений позволило понять эволюцию исследовательских тематик, степень погруженности в мировую научную мысль и пр. Еще одну группу источников представляет периоди-

² См., например: *Korespondence T.G. Masaryk – Slované. Rusové a Ukrajinci*. 2. svazek. Praha, 2016; *Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи*. София, 1968; *Фрейд З., Осипов Н.Е.* Переписка 1921–1929. Ижевск, 2011 и др.

³ См., например: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952; *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Таллинн, 1996. Т. 1–2; *Murko M.* Paměti. Praha, 1949; *Němec B.* Vzpomínky. Praha, 2021 и др.

ческая печать. В процессе работы использованы не только собственно эмигрантские газеты, но также чехословацкие, венгерские, австрийские, эстонские, сербские, румынские. Их ценность состоит в том, что в них печаталась оперативная информация о научных мероприятиях, исследовательских проектах, отклики на научные труды. Информация из иностранных газет позволяет не просто получить конкретные данные о событиях эмигрантской научной жизни, но дает возможность понять механизмы конструирования образов эмиграции и эмигрантской науки за рубежом.

Таким образом, использованный круг разнообразных источников в полной мере позволяет решить поставленные в диссертации исследовательские задачи.

Методологическая основа

Исследовательская стратегия диссертации предполагает тщательную разработку методологических приемов современной истории, социологии, философии, науковедения, позволяющих проводить антропологически ориентированные исследования истории науки, культуры и литературы в зеркале общественных трансформаций, создавать комплексную картину их развития в «пространстве внимания» (согласно терминологии Р. Коллинза), которое обозначает совокупность интеллектуальных событий, попадающих в поле зрения индивида. Методологически работа опирается на достижения различных сфер гуманитарного знания и носит междисциплинарный характер. Вместо того, чтобы предоставлять сугубо описательную и фактографическую информацию об истории международных контактов российских ученых-эмигрантов, будет предпринята попытка исследовать исторический и социальный контекст, в котором происходили культурные взаимодействия.

Наработки в области социальной истории науки (Б. Латур, Д. Блур, С. Шейпин и др.) дали возможность рассмотреть научную деятельность как практику, связанную с широким социальным, политическим и культурным контекстом, отличающуюся определенными внутренними ценностями. Важнейшее значение для изучения международных научных связей и интеллектуальных коммуникаций вообще имеют разработки в сфере транснациональной и перекрестной истории (Ю. Остерхаммель, У. МакНилл, и др.). Странники транснациональной истории полагают, что следует изучать не только межгосударственные отношения, но также разнообразные явления и процессы, которые имеют надгосударственную природу и собственную сферу бытия: взаимодействие между интеллектуалами различных стран, циркуляция идей и смыслов, роль ассоциаций и международных организаций разного статуса, рецепции знаний и навыков, работа благотворительных организаций и др. В основе перекрестной истории лежит идея

пересечения (*idée d'intersection*), в принципе исключая осмысление единичных целостностей и предполагающая активное взаимодействие. Такой подход рисует многомерную картину связей между различными народами и культурами и помогает лучше понять местные, региональные и глобальные каналы взаимодействия, выходящие за рамки отношений на уровне государств. Концепция перекрестной истории сосредоточена на взаимосвязанности обществ, и ее фокус переключается с аналогичными теоретическими темами, такими как концепция «переплетенная история» (*entangled history*) и «связанная история» (*connected history*)⁴.

Большое влияние на концепцию диссертационного исследования оказали исследовательские подходы, сформулированные представителями интеллектуальной истории (А. Лавджой, Д. Ла Капра, Л.П. Репина и др.). Это направление рассматривает историю идей на фоне специфических условий интеллектуальной деятельности. Поэтому всякое научное произведение не должно быть изолировано от его историко-культурного контекста. Интеллектуальная история включает в себя не только историю достижений человеческого интеллекта, но и историю самой этой деятельности в ее процессуальной незавершенности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и их межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний⁵. История науки превращается не в описание развития научных знаний как таковых, но в изучение деятельности ученых по производству этих знаний.

Таким образом, используемые в диссертации методологические подходы открывают возможность проанализировать особенности развития локального эмигрантского научного сообщества в Чехословакии на фоне изменяющихся политических контекстов и общественных трансформаций, и одновременно вписать это сообщество в широкое коммуникативное поле мировой науки.

Положения, выносимые на защиту

1. «Русская акция» Чехословацкого правительства, представляя собой финансовую поддержку российских ученых, преследовала цель сохранения научного потенциала бывшей Российской Империи. «Русская акция» напрямую зависела от внешнеполитической конъюнктуры. В 1920-е гг. казалось, что советская власть вскоре падет и эмигранты

⁴ *Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. P. 30–50; *Douki C., Minard P.* Global History, Connected Histories: A Shift of Historiographical Scale? // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 2007. Vol. 5. № 54. P. 7–21

⁵ См.: *Репина Л.П.* От истории идей к интеллектуальной истории // XX век: Методологические проблемы исторического познания. М., 2001. Ч. 2. С. 95.

смогут вернуться на родину. Поэтому программа была рассчитана на непродолжительный срок и не включала реальные инструменты для ассимиляции русских в чехословацком обществе. Многие из эмигрантов и не стремились интегрироваться в национальное ученое сообщество Чехословакии.

2. Проблема интеграции российских ученых обострялось по мере таяния надежд на возвращение на родину. Затянувшееся пребывание на чужбине заставляло русских исследователей разных направлений развивать более тесные контакты с ними и активнее интегрироваться в местную научную среду, включая высшую школу. Чехословацкая высшая школа оказалась важной площадкой для интеллектуального взаимодействия между эмигрантами и местными учеными. Важно иметь в виду, что у чехословацкой высшей школы просто отсутствовала потребность в большом количестве иностранных специалистов, тем более в тех областях, где могли успешно работать местные научно-педагогические кадры, тесно связанные с местным культурным контекстом и практическими потребностями государства. Вместе с тем несмотря на очевидные противоречия между русскими учеными и чехословацкими коллегами, с обеих сторон бытовали позитивные образы двух наук.

3. Чехословацкие научно-исследовательские объединения сыграли важную роль в поддержке российской научной эмиграции. Это проявилось и в финансировании текущих исследований, и в интеграции в чехословацкую и европейскую науку. Российские ученые сталкивались с языковой проблемой. Публикация исследований на чешском или словацком языке помогала вхождению в местную среду, особенно если эти исследования были приурочены к решению актуальных для республики проблем. Известности на международной арене способствовало участие русских ученых в крупных интернациональных конференциях, конгрессах и форумах. Чехословацкие власти по возможности были заинтересованы в поддержке подобных форм презентации знаний и открытий, поскольку русские ученые, если проанализировать сохранившиеся программы съездов, почти всегда представляли там именно чехословацкие, а не эмигрантские учреждения.

4. Повседневная жизнь эмиграции не была замкнута границами диаспоры, она тесно соприкасалась с местным культурным окружением. Отношения между русскими учеными и их чехословацкими коллегами складывались не всегда гладко. Здесь играли свою роль и научная конкуренция, и простое непонимание, вызванное устойчивыми этнокультурными стереотипами, и ментальные различия. Психологическая и социальная готовность к столь значительным жизненным переменам была крайне низкой. Система ценностей русских эмигрантов была ориентирована на код дореволюционной культуры. Следование ему

проявлялось не только в интеллектуальной работе, но и на уровне организации повседневной жизни. Эмигрантское бытие было неразрывно связано с мифом о потерянном Доме.

5. Пребывание в Чехословакии отразилось на тематике исследований многих российских ученых-эмигрантов. Славянский вектор в их исследованиях был чрезвычайно силен. Это способствовала и общая внешняя обстановка, и потребность приспособиться к новым условиям работы, выработать новые исследовательские стратегии, которые будут востребованы за рубежом. По сути, перед представителями социально-гуманитарных и естественных наук встали схожие вызовы. Русские ученые стремились актуализировать славянскую тематику в самом широком смысле слова и, вполне естественно, подчеркнуть важность изучения приютившей их Чехословакии и, шире, всего славянского мира.

6. Некоторым русским научным институциям удалось сформировать собственные международные интеллектуальные сети. Причем они касались не только собирания информации, как в случае с РЗИА, но и трансляции знания, как в случае с Институтом имени Н.П. Кондакова или Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича. В то же время не все проекты российско-чешского научного сближения оказались успешными, в частности, к таковым относится Русский институт в Праге.

7. Русская научная диаспора в Чехословакии продемонстрировала многообразие форм коммуникативных практик с местным окружением, с учеными славянского мира, с европейскими и американскими коллегами, и, конечно, с оставшимися в Советской России учеными. Жизнь на чужбине породила разные модели поведения ученых, которые зависели как от их статуса в эмиграции, так и от желания интегрироваться в местную научную среду.

Научно-практическая значимость исследования определяется несколькими факторами. В работе была предложена многоуровневая модель рассмотрения интеллектуального присутствия русских ученых-эмигрантов в системе международных научных связей на широком временном отрезке. Результаты исследования могут быть востребованы при изучении истории взаимоотношений России со странами Центральной и Восточной Европы, при дальнейшем изучении проблем научных миграций XX в., транснациональных культурных связей, теории и практики научной дипломатии. Они также могут быть учтены при разработке конкретных программ международного научного взаимодействия, могут быть использованы в образовательном процессе, а также в рамках популяризации научных знаний.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании Лаборатории институциональной истории ИВИ РАН. По теме диссертации были сделаны многочисленные до-

клады на международных научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Самаре, Праге, Будапеште, Софии, Брюсселе, Лондоне, Госларе. Основные положения и результаты работы изложены в 7 монографиях и монографических публикациях исторических источников, в 106 статьях, в том числе в 50 статьях из изданий, рекомендованных ВАК и изданий, входящих в международные базы данных Web of Science и Scopus.

Цель и основные задачи исследования предопределили его структуру, в основу которой положен проблемно-хронологический принцип.

Структура и основное содержание работы. Диссертация состоит из введения, 5 глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и научной литературы.

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна темы, анализируется степень ее разработанности в историографии, определяются предмет, объект, цели, задачи, характеризуются использованные источники, формулируется методология исследования, определяются его хронологические рамки

В **главе 1 «Русская акция» чехословацкого правительства и научная жизнь Зарубежной России»** обрисовывается процесс складывания, развития и угасания российского научного центра в межвоенной Чехословакии, особенности взаимоотношений русских ученых с чехословацкими коллегами, проблемы включенности и исключенности ученых-эмигрантов в чехословацкую научно-исследовательскую и научно-образовательную инфраструктуру.

В **§ 1 «Формирование и развитие российского научного центра в межвоенной Чехословакии»** рассматривается процесс выработки программы «Русская акция» в 1921 г. и роль в нем чехословацких политиков (Т. Масарик, К. Крамарж, Э. Бенеш и др.), анализируются различные формы патронажа русской интеллектуальной жизни, которые обеспечили создание развитой сети эмигрантских учебных, научных, культурных объединений. На конкретных индивидуальных примерах (И.И. Лаппо, П.В. Отоцкий, А.В. Флоровский, Н.В. Ястребов и др.) проанализированы основные пути эмиграции русских ученых и обстоятельства их прибытия в Чехословакию. Было показано, что «Русская акция» изначально планировалась на непродолжительный срок. Она не была ориентирована на интеграцию русских ученых в чехословацкую и мировую науку, а ставила целью сохранить интеллектуальный потенциал для будущей России. Когда правительство Чехословакии убедилось, что власть большевиков не только не рухнула, но и укрепилась, и что возвращение эмигрантов в Россию в обозримом будущем не предвидится, помощь им начала стремительно урезаться. Эмиграция также ощутила не себе негативные последствия мирового экономического

кризиса. Небольшое славянское государство не могло в сложившихся условиях изыскивать средства на продолжение «Русской акции». Нестабильность материального и социального положения побудила немалое число ученых покинуть Чехословакию. Помимо того, многими из них Прага, а уже тем более Брно или Братислава, продолжали восприниматься как культурная провинция Европы. Их влекло на Запад, где, как думалось многим, открывались большие возможности для научной работы. Все это приводило к текучести научных кадров. Вместе с тем, как было показано на конкретных примерах, отъезд из Чехословакии не означал полного разрыва с ее интеллектуальной средой.

В § 2 «*Российские ученые-эмигранты и чехословацкая высшая школа*» показано, что обретение независимости Чехословакией в 1918 г. и начало активного государственного строительства отразилось на научной и культурной сфере. Происходила реформа уже существующих высших школ и одновременно создание новых (Масариков университет, Университет Я.А. Коменского, Высшая сельскохозяйственная школа в Брно и др.). Было установлено, что отдельные русские ученые получали специальные приглашения для приезда в республику и для работы в чехословацких высших школах (Н.П. Кондаков, В.А. Францев, Н.В. Ястребов). Первые опыты таких приглашений относятся уже к 1919 г., то есть еще до завершения Гражданской войны в России, массового приезда эмигрантов в Чехословакию и до начала «Русской акции». Чехословацкие высшие школы преследовали в первую очередь свои практические цели, рассматривая кандидатуры русских ученых на замещение профессорских вакансий. При этом очевидно, что на первых этапах, от 1918 г. до середины 1920-х гг., важнейшее значение имела известность русского ученого в чехословацких научных кругах и наличие своего рода гарантов. Таковыми были известные и авторитетные профессора, которые, как правило, были давно связаны с Россией и русской наукой. В Карловом университете к влиятельным патронам русских эмигрантов относились историк Я. Бидло, правовед К. Кадлец, ботаник Б. Немец, геолог Р. Кеттнер и др. Приглашение на работу в Карлов университет не только приносило заработок, обеспечивало статус в чехословацком, а часто и в международном, научном сообществе, но также открывало доступ к лабораториям, музейным коллекциям и библиотекам. Вместе с тем обретение работы в старейшем университете было сопряжено с многочисленными трудностями. Русские ученые-эмигранты в своих мемуарах не раз жаловались на боязнь конкуренции со стороны чехословацких коллег и разницу менталитетов, которые мешали не просто взаимопониманию, но построению карьеры⁶. Однако, как было показано на основе архивных документов, трудности с

⁶ Новиков М.М. Указ. соч. С. 334.

получением работы и дальнейшего карьерного роста порой имели весьма прозаические причины. Одна из таковых – наличие или отсутствие чехословацкого гражданства. Анализ биографий русских ученых показывает, что его обретение было способно быстро перевести построение ученой карьеры на новый уровень. Однако к его получению стремились, в основном, представители молодого поколения. Ученые старшего поколения эту возможность зачастую игнорировали. Существовала еще одна трудность в процессе трудоустройства – ограниченность штатных единиц. Введение или упразднение преподавательских должностей осуществлялось под строгим контролем министерства образования и народного просвещения со всеми вытекающими отсюда последствиями, главным из которых было свойственное всем министерствам во все времена желание экономии средств. Так Профессорскому совету естественного факультета приходилось всякий раз испрашивать министерство о выделении преподавательских единиц для русских ученых. Например в декабре 1934 г. факультет сумел добиться продления работы зоолога М.М. Новикова как договорного профессора, а одновременно и математика Е.Л. Буницкого. Ботаник В.С. Ильин же смог получить лишь должность договорного лектора методики изучения физиологии растений⁷.

Несколько проще было представителям технических наук, которые включились в работу чехословацких высших технических учебных заведений. Развитие страны требовало хорошо подготовленных инженерных кадров. В Чешском высшем техническом училище получили работу именитые российские ученые – А.С. Ломшаков, А.П. Фан-дер-Флит и др.

Если устройство на работу в Праге было сопряжено с целым рядом трудностей и бюрократических проволочек, то в провинции это было сделать легче, поскольку развитие научно-образовательной инфраструктуры требовало кадров. У тех русских ученых, кто не смог обрести преподавательскую должность в Праге, было гораздо больше шансов на ее получение в Брно или Братиславе. Так переезд из Праги в Брно позитивно сказался на карьере М.А. Циммермана, крупного специалиста в области международных отношений⁸. Словацкая столица – Братислава – поначалу была для ученых-эмигрантов лишь транзитным городом. Однако вскоре некоторые из них осознали несомненные плюсы возможности работы в новом, недавно созданном Университете Я.А. Коменского.

⁷ Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy 1921–1953 (1960). Kart. 13. Inv. č. 101.

⁸ Archiv Masarykovy univerzity. Fond A5: Právnická fakulta. Inv. č. 251/4701.

В межвоенной Чехословакии существовало еще одно крупное высшее учебное заведение, в судьбе которого эмигрантский след оказался велик – Высшая горная школа в Пришибраме. Наряду с Высшей сельскохозяйственной школой в Брно, она приняла множество студентов-эмигрантов. Она же была единственным высшим учебным заведением, главой которого стал выходец из эмигрантской среды – специалист в области физической химии, профессор А.И. Глазунов, занимавший пост ректора в 1935–1936 гг.

Важно иметь в виду, что у чехословацкой высшей школы просто отсутствовала потребность в большом количестве иностранных специалистов, тем более в тех областях, где могли успешно работать местные научно-педагогические кадры, тесно связанные с местным культурным контекстом и практическими потребностями государства. В конечном счете, чехословацкая образовательная среда впитывала русских ученых гораздо хуже болгарской или югославской. Хотя «Русская акция» делала ставку на развитие русской высшей школы за рубежом, эмиграция не могла полностью изолироваться от чехословацкой высшей школы. Возникла сложная и многомерная система интеллектуальных коммуникаций.

В § 3 «*Российские ученые и чехословацкая научно-исследовательская инфраструктура*» изучено взаимодействие эмигрантов с различными исследовательскими институтами и научными обществами. Некоторые из них, как Чешская академия наук и искусств и Чешское королевское научное общество, имели давние связи с российской наукой. Некоторые русские ученые, оказавшиеся в Чехословакии, были избраны их членами еще до революции (Н.П. Кондаков и В.А. Францев). Чешская академия наук и искусств стремилась поддерживать русских ученых и деятелей культуры в разных странах мира. В 1920-е гг. она оказывала помощь Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (Франция). В 1919–1922 гг. складывается система государственных научно-исследовательских институтов, направленных на решение прикладных задач. Ученые-эмигранты нередко привлекались к их работе в качестве научных консультантов, получали поддержку своих исследований, возможность публикации научных трудов. Особое место среди всех научно-исследовательских организаций заняла Масарикова академия труда, открытая в 1920 г. Ее создатели, руководствуясь технократическими идеями, стремились наладить экспертную работу в научно-технической области для поддержки разных отраслей экономики. Среди всех государственных научно-исследовательских институтов Чехословакии наибольшей включенностью в дела русской эмиграции обладал Славянский институт в Праге. Институт выделял средства на публикацию трудов русских ученых, например книг Е.А. Ляцкого, Н.Л. Окунева, А.Л. Петрова,

Е.Ю. Перфецкого, А.В. Флоровского, В.А. Францева, Е.Ф. Шмурло. Благодаря поддержке института русские ученые имели возможность совершать научные командировки, проводить архивные и полевые исследования.

Русской молодежи и ученым средних лет было гораздо проще, чем представителям старшего поколения ученых, интегрироваться в систему чехословацких научно-исследовательских институтов. Причин было несколько: они получали образование или завершали его в чехословацких высших учебных заведениях, защищали там диссертации, что уже предопределяло интеллектуальную интеграцию, и, что особо важно, стремились к получению чехословацкого гражданства. Чехословацкие научно-исследовательские объединения сыграли важную роль в поддержке российской научной эмиграции. Это касалось не просто финансирования текущих исследований, но и интеграции в местную и, шире, в европейскую науку. Публикация исследований на чешском или словацком языке помогала вхождению в местную среду, особенно если эти исследования были приурочены к решению актуальных для республики проблем. Известности на международной арене способствовало участие русских ученых в крупных интернациональных конференциях, конгрессах и форумах. Чехословацкие власти по возможности были заинтересованы в поддержке подобных форм презентации знаний и открытий, поскольку русские ученые, если проанализировать сохранившиеся программы съездов, почти всегда представляли там именно чехословацкие, а не эмигрантские учреждения. Таким образом, они работали на международный авторитет чехословацкой науки, но одновременно продолжали развивать традиции науки российской. Несмотря на существование различных стереотипов восприятия России в чешском и словацком обществе, в межвоенный период бытовал позитивный образ российской науки и культуры.

Глава 2 «Российские ученые-эмигранты в Чехословакии и славянский мир» показывает пути взаимодействия эмигрантов с учеными славянских стран Европы, анализирует славянский вектор их исследований.

В § 1 *«Изучение славянского мира в творчестве российских ученых-эмигрантов»* рассматривается опыт изучения славянских стран представителями разных наук. Межвоенная Прага позиционировала себя как важнейший центр славянского мира. В то же время идея взаимодействий славянских культур стала одной из доминирующих в эмигрантских научных нарративах. Среди русских ученых-эмигрантов было немало лиц, кто еще до революции занимался теми или иными проблемами славянского мира (Д.Н. Вергун, Е.Ю. Перфецкий, А.Л. Петров, В.А. Францев, Ю.А. Яворский). Обращение к славянской проблематике было не только данью научной традиции и способом

выразить уважение Чехословакии и другим славянским странам, приютившим русских эмигрантов. Это был надежный способ научной интеграции в новое интеллектуальное пространство, тем более что славянская тематика (или же российско-славянская тематика) оказывалась порой более востребованной, чем сугубо российские сюжеты. Примечателен опыт А.В. Флоровского, который в годы эмиграции обратился к изучению российско-чешских отношений с древнейших времен и до середины XIX в., сделался крупнейшим специалистом в этой области, обрел большую международную известность. Вершиной творчества ученого стала монография «Чехи и восточные славяне». А.В. Флоровский быстро создал разветвленную сеть международных деловых контактов. Обзор научного наследия ученого также показывает, что он не замыкался в узких тематических рамках. Потому из его исследований по истории российско-чешских отношений постепенно вырастали штудии о российско-австрийских, российско-немецких, российско-венгерских связях. То есть, славянское исследовательское поле разрасталось до центрально-восточноевропейского.

Русские ученые-эмигранты не ограничивались историческими рефлексиями. Можно найти немало попыток осмысления проблем современности, тем более что славянский мир, как и Европа вообще, в 1920–1930-е гг. переживал глубокие трансформации. Обзор изданий межвоенной русской эмиграции, особенно 1920-х гг., свидетельствует об интересе к изучению внутренних процессов в славянских странах.

Для представителей естественных наук отрыв от привычных мест полевых исследований, гербариев, зоологических, палеонтологических или минералогических коллекций оказался не менее болезненным, чем отрыв от архивов и библиотек для гуманитариев. Потому ученым-естествоиспытателям приходилось приспосабливаться к новым условиям исследовательской работы и открывать для себя новые темы и сюжеты, связанные с новыми регионами. Анализ научных биографий русских ученых-естествоиспытателей в Чехословакии показывает, что многие из них включались в решение конкретных прикладных задач на местном полевом материале. И все же старшему поколению ученых оказалось трудно переориентироваться на новые направления, связанные с изучением флоры и фауны, геологии и географии славянских стран, поскольку это влекло радикальную перестройку предшествующих полевых практик. Так, например, неизвестно о каких-либо попытках выдающегося почвовед и гидрогеолога П.В. Отоцкого проводить исследования на чехословацком материале, хотя за его плечами был успешный дореволюционный опыт полевых исследований во Франции.

Представители молодого поколения в своем большинстве старались воспользоваться новыми возможностями. Яркий пример того являет

геолог Д.Н. Андрусов. Его стремление всестороннее исследовать Карпаты совпало с потребностями Чехословацкой республики и обеспечивало административную поддержку проводимым исследованиям. Одновременно оно соотносилось с внутренними интересами чехословацкой геологии.

§ 2 «Съезды Союза русских академических организаций за границей в интерьере славянской науки» посвящен анализу презентаций результатов исследований российских ученых-эмигрантов на научных съездах. В 1921–1930 гг. прошло пять общеэмигрантских съездов, причем все они на территории славянских стран – Чехословакии, Югославии и Болгарии. В их организацию оказались вовлечены не только эмигранты, но и местные ученые, общественные и политические деятели. Первые три съезда, прошедшие в Праге, официально закрепили за ней статус научной столицы Зарубежной России. На них были выработаны важные принципы работы ученой корпорации за рубежом. Особое место занимает Четвертый съезд Союза Русских академических организаций, который прошел в 16–23 сентября 1928 г. в Белграде. «Русская акция» как раз пошла на спад, и взоры эмигрантов устремились в сторону югославского короля Александра. В нем надеялись увидеть нового патрона и щедрого покровителя. Съезд должен был служить символом единения сербов и русских и выражением признательности королевству. Белградская газета «Време» рисовала героический образ российской науки, которая дала человечеству едва ли не более других национальных наук⁹. Ключевой фигурой российско-сербского научного диалога был лингвист А. Белич. В 1920–1930-е гг. именно он активно содействовал оказанию всесторонней помощи русским эмигрантам в Югославии.

Последний, Пятый съезд Русских академических организаций за границей прошел в 1930 г. в Софии. Однако в процессе его организации возникли политические трудности, фокусировавшиеся вокруг сербско-болгарских противоречий из-за Македонского вопроса, в которые невольно оказались втянуты и ученые-эмигранты. Съезд получил широкую поддержку болгарских властей и ученых кругов, особенно со стороны историка В. Златарского.

Съезды русских академических организаций за границей занимали особое место в истории Зарубежной России и ее научной культуре. Они способствовали развитию научных коммуникаций между интеллектуалами-эмигрантами, распыленными по разным странам мира, а, кроме того, упрочению их связей с учеными из славянских стран. По сути, для ученых-эмигрантов эти съезды были единственной возможностью выступить перед широкой русской ученой аудиторией, увидеть

⁹ Време. Београд, 1928. 17 сентября. Год. VIII. Бр. 2419. С. 5.

своих друзей и коллег. Практика проведения съездов хорошо отвечала динамике истории Зарубежной России. В начале 1920-х гг., когда эмиграция еще верила в скорое падение большевизма и возвращение на Родину, когда она получала финансовую помощь от иностранных держав, съезды носили широкий размах, они обсуждали не только локальные, но и глобальные вопросы, вроде перестройки школы в будущей России. Опыт деятельности съездов во многом исходил из идеалистических установок ученого сообщества. Тем не менее, в 1920–1930-е гг. они выполнили чрезвычайно важную объединительную и организационную функцию, способствуя развитию русской науки за границей и ее представительству на международной арене, прежде всего в славянских странах. К концу 1920-х гг. ослабла связь с учеными, оставшимися в СССР, резко сократилась финансовая поддержка. В этих условиях эмигрантам приходилось делать выбор: либо продолжать ощущать себя изгнанником с чувством великой миссии, либо вливаться в научную среду стран, в которых они волею судеб оказались. После софийского съезда 1930 г. русская эмиграция не предпринимала попыток создать новый научный съезд.

Глава 3 «Институциональные структуры и коммуникативные практики российской эмиграции» посвящена проблемам институциональной истории эмигрантской науки.

§ 1 *«Русский заграничный исторический архив и его интеллектуальные сети»* ставит задачей проанализировать международную деятельность Русского загранично исторического архива (РЗИА). Он оказался в числе самых известных и устойчивых детищ «Русской акции», а его документы, пусть и разрозненные по разным архивным хранилищам, остаются лучшим напоминанием о творческой активности российской межвоенной эмиграции и одновременно служат надежными и всеобъемлющими путеводителями по ее прошлому. РЗИА создавался и развивался в ту эпоху, когда архивоведческая культура переживала важный поворот, когда в разных странах мира создавались тематические собрания, посвященные проблемам новейшей истории. Бурлящая современность требовала формирования новых подходов к сохранению исторических источников о недавно пережитых событиях, например о Первой мировой войне. При этом требовалось не только сохранять, но и изучать, а для этого также нужны были новые идеи и подходы. Создание РЗИА происходило в момент трансформации чехословацкой архивной системы. В отечественной историографии на РЗИА обычно смотрят исключительно как на результат творческой активности российских ученых-эмигрантов, которые, сумев преодолеть политические противоречия, взялись за сохранение российского документального наследия за рубежом и невероятно преуспели в этом. РЗИА был не только русским, но и чехословацким детищем. С марта 1928 г.

он вообще был передан в ведение министерства иностранных дел Чехословакии, перестав быть юридически эмигрантским объединением. Вся деятельность РЗИА в межвоенный период, в том числе комплектование фондов, стала возможной исключительно благодаря чехословацкой финансовой поддержке. В процессе создания и работы РЗИА неразрывно сплетались русские эмигрантские и чехословацкие инициативы, причем как институциональные, корпоративные, так и частные. Хотя долгие годы в числе активных сотрудников РЗИА был лишь один чех – историк Я. Славик, именно он во многом определил характер работы архива и наметил новые направления в изучении революции 1917 г. и Гражданской войны.

Архив обзавелся обширнейшей сетью агентов и представителей по всему миру, которые давали ему информационную поддержку, вели работу по выявлению документов и обеспечивали комплектование фондов. Деятельность архива привлекла внимание многих иностранных ученых, занимавшихся новейшей историей, способствовала интересу к изучению России за рубежом и привлекала внимание к судьбам зарубежной архивной России. Вместе с тем в своей собирательской деятельности РЗИА пришлось бороться с конкуренцией различных зарубежных архивов.

В параграфе § 2 *«К истории попыток российско-чехословацкого научного сближения: Русский институт в Праге»* анализируется деятельность этого учреждения в контексте развития интеллектуального диалога между местными и эмигрантскими учеными. Решение о создании Русского института было принято 16 октября 1922 г. Его можно расценивать как первую попытку завязать деловые отношения между эмиграцией и чехословацким окружением на неполитической, беспартийной основе. К функциям Русского института было отнесено осуществление научно-исследовательской и просветительской работы. Первое направление предусматривало проведение научных мероприятий и публикацию результатов исследований. Второе направление предполагало устройство популярных лекций для русской и чешской аудитории, которые могли читаться на одном из двух языков.

На практике же исследования Русского института оказались ориентированы не на иностранного, а на русского читателя. Ни одна из опубликованных под его грифом работ не отвечала потребностям властей республики в анализе протекавших в СССР социально-экономических и политических процессов. Русский институт в Праге быстро потерял значение интеллектуального моста между русскими и чехами. Упала и его роль в популяризации научных знаний, поскольку серьезную конкуренцию ему составил Русский народный университет. В конкурентной борьбе с другими русскими организациями директор Русского института в Праге В.А. Францев допустил серьезную про-

машку. Он сделал ставку исключительно на историков, филологов, философов. Представители других научных направлений к сотрудничеству почти не привлекались. Прекращение поддержки эмигрантов чехословацким правительством, уход из жизни или же отъезд многих видных русских интеллектуалов привел к угасанию и оскудению эмигрантской научной жизни в Праге. Обострение международной обстановки лишь усугубляло и без того трудную ситуацию. Роковой для Чехословакии 1938 год стал роковым и в судьбе Русского института – он прекратил работу. Судьба Русского института в Праге во многом типична для эмигрантских организаций, которые пережили период бурного подъема, а потом незаметно сошли с исторической сцены. Создатели института, несмотря на их исключительную научную квалификацию, находились в плену культурных мифов и стереотипов, лишь укрепившихся на чужбине, и шедших в разрез с политическими реалиями 1920–1930-х гг. Они позиционировали себя поборниками идеи «славянской взаимности», но в своих романтических порывах почти не обращали внимания на современное славянство. На практике Русский институт в Праге не сумел приложить достаточных усилий к эффективному научному познанию Чехословакии и одновременно к пропаганде русской науки и культуры в этой стране. Он так и остался сугубо эмигрантской организацией, деятельность которой была ориентирована не на внешний мир, но на «воображаемое сообщество» Зарубежной России.

Параграф § 3 *«Между Прагой и Бирмингемом: Экономический кабинет С.Н. Прокоповича и Бюро исследований экономического положения России»* посвящен истории взаимоотношений двух научных объединений, созданных усилиями русских эмигрантов, но при этом плотно вплетенных в международный исследовательский контекст. В 1931 г. С.А. Коновалов добился создания при Бирмингемском университете Бюро исследований экономического положения России. К работе в нем он привлек ряд специалистов из эмигрантской среды, среди которых были как уже известные, так и начинающие исследователи. Прага стала важнейшим партнером для С.А. Коновалова. Он установил тесные контакты с Экономическим кабинетом, возглавляемым С.Н. Прокоповичем, а равно с Е.Д. Кусковой, А.М. Байковым, В.П. Клоновым и др. Для С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кусковой бирмингемский коллега был важен с точки зрения продвижения Экономического института в британской среде. Но вскоре проявились расхождения во взглядах, которые отчетливо рисуют проблему «отцов» и «детей» эмиграции. С.Н. Прокопович и особенно его энергичная супруга осознавали себя наделенными бесценным социальным опытом и на этом основании считали вправе диктовать условия сотрудничества С.А. Коновалову. Так, они настроенно относились к популяризации

научных знаний и всецело стояли за «чистую науку». С.А. Коновалов, напротив, выступал за расширение круга читателей издаваемых им «Меморандумов», пропагандировал необходимость развития знаний об СССР, но при этом без снижения научного уровня. Однако при декларируемом академизме и научной беспристрастности Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович считали возможным сотрудничество с европейскими политическими кругами, а С.А. Коновалов — нет. Поколенческие различия выражались в разном понимании феномена русской эмиграции. В то время как Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович верили в ее мессианизм, С.А. Коновалов стремился осознать переживаемые события и рефлексировал по поводу того, что стало бы с ним, если бы он не покинул Родину. В Великобритании к деятельности Бирмингемского бюро ревностно относился сэр Б. Пейрс, считавшийся ведущим британским специалистом по России. Он стремился перетянуть С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кускову на свою сторону, пригласив печататься на страницах издаваемого им журнала «The Slavonic and East European Review». Тем самым он отрывал бы важных для С.А. Коновалова авторов и научных партнеров. В то же время бирмингемские издания имели малый отклик в Чехословакии из-за недостаточного знания местными интеллектуальными кругами английского языка¹⁰. Сотрудничество Праги и Бирмингема было подорвано не только внутренними конфликтами и противоречиями, но и политическими потрясениями в Европе 1938–1939 гг.

Глава 4 «Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова и мировая наука» посвящена эмигрантской научной организации, которая обрела наибольшую международную известность. В § 1 *«Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова: наука в вихре политических потрясений»* рассказывается об обстоятельствах создания ученого объединения в 1925 г., о формировании его интеллектуальной программы и основных направлениях работы. Семинарий изначально стремился выйти за узкие национальные границы, взяв курс на тесное и неразрывное взаимодействие с мировой наукой. Пражское объединение быстро обрело многочисленных международных партнеров: англичанина Э.Х. Миннза, финна А.М. Тальгрена, француза Ж. де Бая, болгар В. Златарского, П. Мутафчиева, Г. Кацарова, сербов С. Станоевича и Д. Анастасиевича, венгров Д. Моравчика и Н. Феттиха, румына Н. Йоргу, бельгийца А. Грегуара и др. Тематика кондаковских изданий была связан с русской и византийской иконографией, археологией, искусством Востока, историей кочевых народов Евразии. Глубокий интерес к достижениям зарубежных ученых и включенность кондаковцев в

¹⁰ University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 5.

мировую науку демонстрирует обширный по составу и объему отдел рецензий в каждом из выпусков тематических сборников «*Seminarium Kondakovianum*». Кондаковцы были заинтересованы в расширении исследовательского фокуса и поиске научных партнеров на Востоке.

Было показано, что на работу кондаковцев одновременно оказывали давление материальные трудности и стремительно меняющиеся политические контексты. Были рассмотрены различные попытки кондаковцев получить материальную поддержку или институциональное покровительство у международных или иностранных организаций, показаны обстоятельства сближения с сербскими научными и политическими кругами и перенос части Института в Белград в 1938 г. Также показаны послевоенные попытки реанимировать работу организации под патронажем АН СССР.

В § 2 «*К истории взаимоотношений с советской наукой: кондаковцы и Саратовский университет*» рассмотрен примечательный сюжет, важный в контексте понимания контактов пражского объединения с советской наукой. В 1920–1930-е гг. Саратовский университет, не будучи столичным, был включен в интернациональные научные обмены и занимал важное место на интеллектуальной карте как минимум Европы. При этом в Праге и Саратове существовала взаимная заинтересованность в наведении интеллектуальных мостов. Кондаковцев и их иностранных коллег волновали прорывные археологические открытия П.С. Рыкова, Т.М. Минаевой, П.Д. Рау, А.А. Кроткова, И.В. Синицына в Поволжье. Динамика контактов кондаковцев с Саратовом хорошо демонстрирует метаморфозы научного климата в СССР. Они начали активно развиваться, были подрублены «делом Жебелёва», затем ограниченно восстановились, постепенно формализовались, пока не прервались окончательно. Одновременно представители саратовской археологии подверглись репрессиям. К концу 1930-х гг. у кондаковских изданий в Саратове, даже, несмотря на сохранение в университете кафедры археологии и этнографии, практически не оставалось потенциальных читателей.

В центре § 3 «*Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова и его венгерские коллеги*» – анализ опыта взаимодействий с венгерскими историками и археологами. В системе заграничных коммуникаций кондаковцев они заняли особенное и важное место. Причины взаимного интеллектуального притяжения были связаны с богатым опытом российско-венгерских контактов в области археологии и этнографии, с общностью научных исканий, лежавших в русле евразийской археологии, искусства и культуры кочевых народов. Для венгерской науки эти проблемы были в числе ключевых, поскольку оказались неразрывно связаны с вопросами этногенеза древних венгров и их контактов с соседями.

Археолог Н. Феттих в 1924 г. по переписке познакомился с Н.П. Кондаковым¹¹, а затем продолжил общение с его учениками. Он оказался первым иностранным ученым, включившимся в живое сотрудничество с Семинарием. Межвоенное сотрудничество Н. Феттиха с русскими учеными выразилось в публикации ряда его работ в кондаковских изданиях, регулярном обмене научной информацией, взаимной помощью в организации исследований. Еще одним венгерским ученым, завязавшим тесные контакты с русской Прагой, был византиновед Д. Моравчик. Он оказался идейно близок кондаковцам своим перекрестным подходом к византийской истории и попытками увидеть в ней взаимодействие разных культурных начал. Он говорил, что работает в той области знания, где приоритет российских ученых неоспорим, а потому он «связан узко с русской наукой»¹². В кондаковских изданиях публиковали свои исследования и другие венгерские ученые – Д. Ре, Л. Рашони Надь, Ф. Вамош. В этих же изданиях регулярно появлялись отклики и рецензии русских ученых на работы венгерских коллег.

Помимо общности научных интересов, русских эмигрантов и венгров сближало незримое чувство исторической травмы, порожденное крушением Российской и Австро-Венгерской империй. По условиям Трианонского договора 1920 г. Венгрия лишилась 2/3 своей территории. В прошлом начинают искать лекарство от безрадостного настоящего. Жизненный мир русских и венгерских ученых нес на себе печать пережитых исторических потрясений.

Исследования и презентация их результатов за пределами Чехословакии рассмотрены в § 4 «*Заграничные командировки кондаковцев*». Было показано, что, несмотря на крайне ограниченные материальные ресурсы и прочие стеснения, русским ученым-эмигрантам удалось реализовать ряд важных исследовательских проектов за пределами Чехословакии. Например, удалось обследовать важнейшие средневековые памятники в Греции, Югославии и Болгарии, тем самым во многом продолжив начатую еще до революции исследовательскую линию. Большое значение имело знакомство с зарубежными музейными и библиотечными коллекциями.

Трудности с организацией собственных полевых исследований побуждали внимательно и скрупулезно всматриваться в экспедиционные практики коллег, например, в работы Т. Уитмора в стамбульском Соборе Святой Софии. Единственным кондаковцем, кому посчастливилось стать участником масштабных археологических исследований,

¹¹ Literární archiv Památníku národního písemnictví. Osobní fond «Kondakov Nikodim Pavlovič». Korespondence vlastní: přijatá. Fettich N.

¹² Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

был Н.П. Толль. По приглашению М.И. Ростовцева он в течение нескольких сезонов работал на раскопках города Дура-Эвропос в Сирии.

Особую трудность представляла работа с «русскими древностями», ибо в Европе не было необходимых художественных и археологических коллекций, а о проведении исследований в СССР можно было не мечтать. Тем не менее в 1937–1938 гг. удалось организовать две экспедиции в Эстонию для работы в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре. Их вдохновителем был Н.Е. Андреев, которому удалось собрать ценные материалы в монастырском архиве и изучить собрание икон. Примечательно, что он работал в тесной координации с другими эмигрантами – Л.Ф. Зуровым, представлявшим Парижский Музей человека, и Е.Э. Малер, представлявшей Базельский университет.

Результаты, полученные кондаковцами в ходе зарубежных исследований, в полной мере отвечали уровню тогдашней мировой науки. Русским ученым удавалось формировать мощный фундамент для последующих исследований.

Важнейшей составляющей зарубежных командировок кондаковцев стала презентация результатов исследований на международных конференциях, конгрессах и съездах. Особое значение имели поездки на Международные конгрессы византийских исследований – в Белград (1927), Афины (1930), Софию (1934), Рим (1936). Они давали возможность живого общения с иностранными коллегами, а также кратких полевых исследований – самостоятельных или в форме организованных для участников экскурсий. Презентация результатов исследований воспринимались ученой корпорацией не просто как индивидуальные достижения, но как достижения российской археологии, истории искусства, византиноведения, как продолжение интеллектуальных традиций, которые были порушены в СССР в 1920–1930-е гг.

Попытки формирования собственных музейных коллекций в пражском Институте рассмотрены в § 5 «*Русский египтянин Г.И. Лукьянов и кондаковцы*». В центре внимания – фигура жившего в Каире крупного антиквара и любителя древностей Г.И. Лукьянова, который выстроил широкую систему международных контактов. Его связи с русскими коллегами из Чехословакии развивались на протяжении 1930–1939 гг. Для него было важно заручиться покровительством авторитетной научной организации, сотрудничество с которой подчеркивало бы его статус и в то же время давало возможность реализовывать собственные научные проекты, как, например, попытки публикации собственного перевода «Поэмы Пентаура» или каталога коптских тканей. Он заверял кондаковцев в готовности навести мосты между Прагой и работавшими в Египте учеными, присылал научную литературу, делился актуальной научной информацией. При участии Г.И. Лукьянова в Институте имени Н.П. Кондакова сформировалась коллекция коптских

тканей. Однако к концу 1930-х гг. в силу личных разногласий отношения разладились и в итоге прервались. Связи Г.И. Лукьянова с Институтом имени Н.П. Кондакова фиксируют существование контактов между «русской Чехословакией» и «русским Египтом», причем в контексте более широких, международных, научных коммуникаций. Они отражают в себе успехи и трудности научных взаимодействий в русской эмигрантской среде. С одной стороны, многие изгнанники стремились к самоорганизации и налаживанию плодотворных и прочных деловых отношений, как это видно на примере формирования в Праге коллекции коптских тканей. Они видели в своих усилиях служение русской культуре, а потому их деятельность была пропитана особым мессианизмом. С другой стороны, этим контактам была присуща высокая степень конфликтности. Жизнь на чужбине обостряла не только чувство сопричастности к русской культуре, но также высокую конкуренцию. Она же по-новому проявляла личностные качества, формировала особые поведенческие стратегии, порождала новые формы самоидентификации. Судьба Института имени Н.П. Кондакова, судьба Г.И. Лукьянова, а равно их коллекций, также наглядно подтверждает, что научной жизни эмиграции в межвоенный период приходилось развиваться под сильным воздействием внешних рамок

Глава 5 «Российские ученые-эмигранты в пространстве социалистической науки (вторая половина 1940-х – 1970-е гг.)» сфокусирована на судьбах тех исследователей, кто после Второй мировой войны остался жить и работать в Чехословакии. Рассмотрены модели адаптации ученых к новым политическим реалиям, проанализировано влияние общественных трансформаций на научное творчество и карьерные пути, исследованы взаимоотношения с чехословацким окружением и учеными из социалистических стран, связи с советскими коллегами и влияние советского контекста вообще.

В § 1 *«Из белогвардейцев в коммунисты: ихтиолог Борис Сергеевич Костомаров»* проанализирована карьера одной из самых парадоксальных и противоречивых фигур российской научной эмиграции. Б.С. Костомаров успел побывать и добровольцем в деникинской армии, и организатором демократического студенческого кружка в масариковской Первой республике, и ревностным активистом Коммунистической партии в социалистической Чехословакии, в которую вступил в августе 1945 г. Показано, что после февральских событий 1948 г. карьера ученого сделала резкий рывок вперед. Уже в августе 1948 г. он был назначен профессором рыбного хозяйства и гидробиологии Высшей сельскохозяйственной школы в Брно, а впоследствии добился поста проректора. Он стал активным участником советизации чехословацкой науки и образования. Б.С. Костомаров сосредоточил в своих руках множество административных, общественных и партийных должностей, что поз-

воляло ему быть одной из самых влиятельных фигур в научной жизни Брно. Несмотря на плотную вовлеченность в общественную и административную жизнь, Б.С. Костомаров не прекращал заниматься научной работой. Его прикладные исследования в области рыборазведения были востребованы в Чехословакии и других социалистических странах. В числе немногих ученых Чехословакии он открыто поддержал подавление Пражской весны и последующую политику Нормализации. На основе архивных документов показано, что в послевоенных чехословацких научных кругах восприятие Б.С. Костомарова было неоднозначным. К нему нередко относились с нескрываемым подозрением как к бывшему белогвардейцу, а в его кипучей общественной работе видела двоемыслие и приспособленчество¹³. При этом его научные исследования никогда под сомнения не ставились. Пример Б.С. Костомарова среди прочих эмигрантов уникален тем, что он смело и уверенно шел по карьерной лестнице и в масариковской Чехословакии, и социалистической. Хотя злодеем и разрушителем в науке его считать нельзя, он, безусловно, был конформистом. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. он восхвалял Т.Д. Лысенко и его учение, хотя прежде был сторонником классической менделевской генетики. Затем, по мере смены общественно-политических контекстов, стремился не вспоминать о своем участии в антинаучной пропаганде. Б.С. Костомарова уместнее назвать молчаливым соучастником советизации чехословацкой интеллектуальной жизни. Причем, оно сочеталось с пропагандой реальных достижений российской и советской биологической науки. Сложно сказать, родилось ли его приспособленчество под воздействием крутых виражей истории XX в., или было изначально присуще ему. В то же время очевидная научная заслуга Б.С. Костомарова состояла в том, что ему удалось создать прочный фундамент для последующих исследований. Значение его прикладных работ для своего времени было велико. Несмотря на спорные моменты биографии, невзирая на неоднозначные поступки в социалистический период, Б.С. Костомаров бесспорно принадлежал к числу русских, оставивших глубокий след в чехословацкой науке.

§ 2 *«Профессор А.В. Флоровский и советские коллеги»* посвящен изучению послевоенного творческого пути одного из самых крупных русских историков-эмигрантов. В 1946 г. А.В. Флоровский принял советское гражданство, но при этом остался жить в Чехословакии. В 1948 г. он получил должность ординарного профессора Карлова университета. После окончания Второй мировой войны он попытался наладить контакты с советскими коллегами (А.И. Андреев,

¹³ Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond Mendelova univerzita Brno – rektorát. Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

Н.Л. Рубинштейн и др.). Этому желанию способствовал, в частности, глубокий интерес А.В. Флоровского к истории Петровской эпохи и стремление к обмену информацией с советскими исследователями этой темы. Параллельно он пытался возобновить работу Института имени Н.П. Кондакова, ища поддержку своего начинания у АН СССР (Е.А. Косминский, Б.Д. Греков, В.П. Волгин). Все планы А.В. Флоровского оказались смяты начавшейся Холодной войной, идеологическими кампаниями в СССР, курсом на национализацию советской науки и др.

Регулярные и полноценные контакты с советскими учеными А.В. Флоровский смог наладить лишь на волне Оттепели. Они развивались, главным образом, посредством переписки. Среди его корреспондентов – А.А. Зимин, Б.Б. Кафенгауз, А.А. Новосельский, В.Т. Пашуто, Е.П. Подъяпольская, С.А. Фейгина и др. Советские коллеги пражского профессора в своих письмах неизменно признавали свои глубокие пробелы в знании зарубежной историографии и иностранных источников. Потому общение с А.В. Флоровским, юридически советским гражданином, но в реальности все же человеком из-за границы, было для них своего рода глотком свободы, возможностью заглянуть за железный занавес. Они прекрасно осознавали научный вес, познания, широту кругозора профессора, а потому с энтузиазмом обращались к нему за помощью, советовались по сложным вопросам. С другой стороны, это общение было важно для самого А.В. Флоровского, причем не только исходя из утилитарных устремлений в виде получения нужных для работы книг, журналов и копий архивных документов. Открывшаяся после Второй мировой войны возможность установить, а в некоторых случаях – восстановить, научные контакты с Родиной была воспринята им с воодушевлением. Духовно он не считал себя эмигрантом, всегда, на протяжении всей жизни соотносил себя с русской культурой. Этим объясняется и его неутомимое стремление публиковать свои работы в СССР. Вхождение в советскую научную среду стало не просто личным выбором ученого, но и выражением его принципиального взгляда на путь русской эмиграции. А.В. Флоровский был уверен, что работал на благо Родины и что рано или поздно результаты его упорных трудов окажутся там востребованы. Контакты с советскими коллегами стали активно развиваться в тот момент, когда история послереволюционной Зарубежной России, по сути, закончилась. Именно в 1950–1960-е гг. русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому таким важным казалось зафиксировать его и сохранить для будущего. А.В. Флоровский стремился передать коллегам свой интеллектуальный опыт, и, вместе с

тем, стремился напомнить о творческом наследии всей российской научной эмиграции. И ему это во многом удалось.

Вместе с тем, положение А.В. Флоровского в социалистической Чехословакии не было безоблачным. Так ему ни разу не удалось добиться разрешения награничную командировку, причем даже за свой счет или за счет приглашающей стороны. Жалобы на невыездной статус постоянно прослеживаются в его переписке с эмигрантскими, советскими и иностранными учеными. Хотя А.В. Флоровский оказался в своего рода изоляции, не имея возможности выехать за пределы Чехословакии, в 1950–1960-е гг. его связи с зарубежными коллегами активно развивались. Особое значение имели для него контакты с венгерскими (Й. Перени, Д. Моравчик) и немецкими коллегами (Э. Винтер, П. Хоффманн, Р. Виттрам), причем в последнем случае – с учеными как из ГДР, так и из ФРГ¹⁴. Среди чехословацких учеников и последователей А.В. Флоровского можно назвать А. Завадову, М. Мышку, М. Шванкмайера.

Исторические потрясения 1920–1940-х гг. научили А.В. Флоровского осторожности. Жизнь в послевоенной социалистической Чехословакии потребовала выработки новой модели поведения, основанной на максимальном устранении от всякой текущей политики, от вовлеченности в общественную жизнь, в административную работу.

В **заключении** подводятся итоги исследования, делаются общие выводы.

Научно-справочный аппарат диссертации включает: постраничные сноски, список использованных источников и литературы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии и монографические публикации источников:

1. *Пушкарев С.Г.* История России: Работы разных лет / Сост. *Р.Г. Гагжуев, М.В. Ковалев*; вступ. ст. и примеч. *М.В. Ковалева*. М.: Дрофа, 2011. 366 с.
2. *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е годы). Саратов: Изд-во СГТУ, 2012. 408 с.
3. *Гримм Д.Д.* Воспоминания: из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. / Подг. текста и коммент. *А.В. Воронежцева*,

¹⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 75. Л. 1–1 об.; Д. 360. Л. 1; Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Moravcsik Gy. Ms. 1233/252; Bundesarchiv, Koblenz. Nachlass Prof. Reinhard Wittram. № 1226/62–1; Slovenská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. IV. № 80 и др.

М.В. Ковалева, В.С. Мирзеханова, Т.К. Шор; вступ. ст. *М.В. Ковалева, Т.К. Шор*. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.

4. *Флоровский А.В.* Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия / Под ред. *В.Ю. Афиани*; вступ. ст. *М.В. Ковалева*, сост., подг. к публ., и коммент. *В.Ю. Афиани, М.В. Ковалева, Е.В. Косыревой, Т.Н. Лантевой*. СПб.: Нестор-История, 2020. 576 с.

5. *Vlček R., Němec J., Slaviček J., Stellner F., Szobi P., Kovaljov M.V. etc.* Ne-svoboda, despotie a totalitarismus v kultuře a kulturních dějinách / Sest. R. Vlček a kol. Praha: Česká společnost pro slavistická, balkanistická a byzantologická studia, z.s.; Historický ústav AV ČR, v.v.i., Slovanský ústav AV ČR, v.v.i. 2021. 574 s.

6. *Шмурло Е.Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом / Подг. текста к публ. *М.В. Ковалева* и *А.Е. Кулакова*, вступ. ст. *М.В. Ковалева* и *С.А. Мезина*. СПб.: Нестор-История, 2021. 320 с.

7. *Зайцев М.В., Ковалев М.В.* Государственная и общественная деятельность В.Н. Коковцова. Документальная монография. СПб.: Нестор-История, 2022. 460 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК, и в изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus:

1. *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2008. Кн. 25/2. С. 119–138.

2. *Цепилова В.И., Ковалев М.В.* «Пишу всякую всячину только для заработка»: письма А.А. Кизеветтера к В.А. Мякотину и К.Н. Гулькевичу. 1923–1932 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 87–98.

3. *Ковалев М.В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 148–158.

4. *Ковалев М.В.* Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 120–147.

5. *Ковалев М.В.* Й. Вацек, Л. Бабка. Голоса изгнанников: периодическая печать эмиграции из Советской России (1918–1945). Прага: Национальная библиотека Чешской республики, 2009. 126 с. // Российская история. 2013. № 1. С. 219–221.

6. *Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 4. С. 76–93; № 5. С. 84–107.

7. *Ковалев М.В.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27). URL: <http://history.jes.su/s207987840000732-4-1>
8. *Ковалев М.В., Лантева Т.Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминным и Е.П. Подьяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.
9. *Ковалев М.В.* «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России..., является ... необходимым»: Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937-начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 84–99.
10. *Галчева Т.Н., Ковалев М.В.* «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П. Мещерского с А.В. Флоровским (1956–1967) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 84–99.
11. *Ковалев М.В.* Жизнь и творчество историка Русского Зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888-1984) // Новая и Новейшая история. 2015. № 3. С. 162–179.
12. *Ковалев М.В.* Оксфордский архив профессора С.А. Коновалова // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 58–71.
13. *Ковалев М.В.* Граф Владимир Николаевич Коковцов в эмиграции (по новым архивным материалам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 151–169.
14. *Ковалев М.В.* Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и Новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172.
15. *Ковалев М.В., Мирзеханов В.С.* Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33.
16. *Ковалев М.В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 109–125.
17. *Ковалев М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 4. С. 82–105; № 5. С. 84–97; № 6. С. 98–113.
18. *Ковалев М.В.* Ян Славик (1885–1978): чешский историк русской революции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <http://history.jes.su/s207987840002025-6-1>
19. *Ковалев М.В.* Празднование «Дня русской культуры» в 1920-е – начале 1940-х гг.: коммеморативные практики, символы, идентич-

- ность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <http://history.jes.su/s207987840002025-6-1>
20. *Ковалев М.В.* А.В. Флоровский (1884–1968): пражская жизнь одесского профессора // Новая и Новейшая история. 2017. № 6. С. 123–140.
21. *Ковалев М.В.* Русский институт в Праге (1922–1938 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 121–134.
22. *Мирзаханов В.С.* *Ковалев М.В.* Интеллектуальные миграции XX века: к вопросу о моделях изучения // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 108–123.
23. *Ковалев М.В., Шор Т.К.* Давид Давидович Гримм в Эстонии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2018. Т. 17. № 1. С. 61–70.
24. *Ковалев М.В.* Вторая мировая война глазами русских эмигрантов (по материалам оксфордского архива С.А. Коновалова) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002477-3-1/>
25. *Ivanov I.V., Rusakova E.A., Kovalev M.V.* Pavel Vladimirovich Ototsky (1866–1954): Pedologist and Organizer of Soil Science Research // Eurasian Soil Science. 2019. Vol. 52. № 1. P. 150–156.
26. *Ковалев М.В.* Павел Владимирович Отоцкий в годы эмиграции (1918–1954) // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 1. С. 95–116.
27. *Kovalev M.V., Afiani V.Yu.* Archivní dědictví Antonije Florovského: o historii formování a perspektivách studia // Slovanský přehled. 2019. Roč. 105. Č. 1. S. 97–104.
28. *Ковалев М.В., Шереш А.* Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными // Славяноведения. 2019. № 4. С. 24–36.
29. *Ковалев М.В.* «Моя жизнь слилась с моею научною работою...»: профессор Иван Иванович Лаппо (1869–1944) // Новая и Новейшая история. 2019. № 6. С. 162–187.
30. *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм и конституционный процесс в межвоенной Эстонии // Россия и современный мир. 2019. № 4. С. 202–222.
31. *Афиани В.Ю., Ковалев М.В.* Мемуарные зарисовки профессора А.В. Флоровского // Исторические записки. 2019. Т. 18 (136). С. 392–403.
32. *Ковалев М.В.* Саратовский университет и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 537–546.

33. *Ковалев М.В.* «Живя мечтою о величии, о славе, о счастье и о достоинстве своей Родины...» Воспоминания В.М. Фелькнера о деятельности графа В.Н. Коковцова в эмиграции. 1943 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 92–111.
34. *Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О.* Распад империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Госларе // Российская археология. 2020. № 1. С. 188–191.
35. *Ковалев М.В.* К истории одной эмигрантской карьеры: ихтиолог Борис Сергеевич Костомаров (1897–1974) в межвоенной Чехословакии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840013182-9-1/>
36. *Ковалев М.В.* Из истории научных коммуникаций русской эмиграции: египтолог Г.И. Лукьянов и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016259-3-1/>
37. *Kovalev M.V.* Shaping the past and comprehending the present: The World of Russian émigré textbooks in the 1920s–1930s // The Czech-Polish Historical and Pedagogical Journal. 2021. Vol. 13. № 2. P. 13–26.
38. *Ковалев М.В.* Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге и его связи с венгерскими учеными // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 57–67.
39. *Ковалев М.В., Соби П.* «Кадры решают всё!»: профессиональные траектории первых сотрудников Высшей экономической школы в Праге (1950-е годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 1: История. С. 22–36.
40. *Ковалев М.В.* Советско-чехословацкий технологический трансфер: от первых послевоенных лет до Пражской весны (по материалам отчетов советских инженеров о командировках) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/>
41. *Ковалев М.В.* Новый труд чешских историков о российской эмиграции в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2022. № 4 (117). С. 241–258.
42. *Штеллнер Ф., Ковалев М.В.* Коммунистическая партия Чехословакии и советизация высшего экономического образования в 1945–1948 гг. // Россия и современный мир. 2022. № 3 (116). С. 188–209.
43. *Ковалев М.В., Груздинская В.С.* «Надо привести в порядок не только литературу, привезённую из Москвы, но и мысли, впечатления, стимулы...»: из переписки А.В. Исаченко с советскими коллегами //

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 279–290.

44. *Ковалев М.В.* Советско-чехословацкие интеллектуальные связи в контексте научной дипломатии Холодной войны (проблемы изучения) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). Часть I. URL: <https://history.jes.su/s207987840023785-2-1/>.

45. *Ковалев М.В.* «Это единственная столица Средневековья..., дожившая до нашего времени в сравнительной целостности»: исторические образы Праги глазами российских эмигрантов 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840026934-6-1/>.

46. *Ковалев М.В.* «...Для возобновления академических связей...»: Записка датского профессора А. Стендер-Петерсена о поездках в Советскую Россию и Восточную Европу в октябре 1946 г. – мае 1948 г. // Отечественные архивы. 2023. № 2. С. 87–98.

47. *Ковалев М.В.* «Советские ученые хорошо знают и ценят Ваши исследования»: из писем советских историков венгерскому византинисту Дюле Моравчику // Исторические записки. 2023. Т. 22 (140). С. 292–314.

48. *Груздинская В.С., Ковалев М.В.* Чехословацкий византиновед Милада Паулова и советские историки: на пути к сотрудничеству (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 4 (40). С. 66–73.

49. *Ковалев М.В.* «Горячо приветствуем Вас, милостивый государь, как нового члена Чешской академии». Документы об избрании российских ученых членами Чешской академии наук и искусств. 1892–1937 гг. // Исторический архив. 2024. № 2. С. 3–23.

50. *Ковалев М.В., Груздинская В.С., Шереш А.* Венгерский историк Йозеф Перени и советская историческая наука // Россия XXI. 2024. № 1. С. 160–189.

Статьи в прочих научных изданиях

1. *Ковалев М.В.* Проблема Россия-Запад в общественно-исторических взглядах С.Г. Пушкирева // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 7. С. 155–165.

2. *Ковалев М.В.* Проблемы социально-психологической адаптации российской эмиграции в Чехословакии // Забота: от бытийной стратегии к этическим и профессиональным ценностям: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Изд-во СГМУ, 2006. С. 99–103.

3. *Ковалев М.В.* Российская научная эмиграция в Чехословакии: проблемы адаптации // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Самара: Изд-во СамГПУ, 2006. Вып. 8. С. 84–89.
4. *Ковалев М.В.* Петровская эпоха в научном наследии Е.Ф. Шмурло // Новый век: история глазами молодых. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. Вып. 5. С. 39–53.
5. *Ковалев М.В.* Пражский период в научной биографии С.Г. Пушкирева // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 97–98.
6. *Kovalev M.V.* Les fêtes historiques de l'émigration russe comme moyen de préservation de la mémoire culturelle collective // Patrimoine Russe/Russische Patrimonium. Bruxelles, 2008. № 3. P. 35–46.
7. *Ковалев М.В.* Русские ученые-естествоиспытатели в чешских научных учреждениях в 1920–1930-е гг. // Проблемы синергетики и коэволюции геосфер: Материалы Всероссийского научного симпозиума. Саратов: Издательство Саратовского института РГТЭУ, 2008. С. 279–281.
8. *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты и чешское научное окружение // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2008. С. 174–178.
9. *Ковалев М.В.* Проблемы истории древнерусского искусства в искусствоведческом наследии Н.Е. Андреева // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья / Отв. ред. *О.Л. Лейкин*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 235–246.
10. *Ковалев М.В.* Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920–1930-е гг. // *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity. Konference mladých slavistů IV – říjen 2008.* Praha: Nakladatelství Pavel Mervart, 2009. S. 273 – 279.
11. *Ковалев М.В.* Русские ученые-эмигранты в чешском культурном окружении // *Slovanský áreal a Evropa / Vyd. V. Čermák, M. Příhoda.* Praha – Červený Kostelec: Nakladatelství Pavel Mervart, 2010. S. 149–158.
12. *Ковалев М.В.* Столица или провинция: образы Праги в сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // *Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd.* 2011. Č. 25. № 1. S. 70–83.
13. *Ковалев М.В.* Русское историческое общество в Праге в годы Второй мировой войны // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / Отв. ред. Е.П. Серапионова.* СПб.: Алетей, 2011. С. 403–421.
14. *Ковалев М.В.* «Многоуважаемый Профессор Антоний Васильевич!» (к публикации писем С. Г. Пушкирева к А.В. Флоровскому) //

Мир историка: историографический сборник / Под. ред. *В.П. Корзун, С.П. Бычкова*. Вып. 7. Омск, 2011. С. 486–495.

15. *Kovalev M.* Entre politique et idéologie: remarques sur la mémoire historique de l'émigration russe // *Patrimoine Russe/Russische Patrimonium*. Bruxelles, 2012. № 4. P. 27–31.

16. *Ковалев М.В.* Русский институт в Праге в контексте российско-чешских интеллектуальных связей 1920–1930-х годов // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие* / Сост. *Л. Бабка* и *И. Золотарев*. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, 2012. С. 141–150.

17. *Левашко С.С., Ковалев М.В.* Русская акция помощи и архитектор Владимир Александрович Брандт в Чехословакии (1922–1944) // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие* / Сост. *Л. Бабка* и *И. Золотарев*. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, Прага, 2012. С. 325–332.

18. *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты и чешское научное окружение в 1920–1930-е годы // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Вып. 6 (II). М.: ИРИ РАН, 2012. С. 295 – 303.

19. *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти*. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 268–287.

20. *Ковалев М.В.* «Чешский язык для меня труден...»: русская эмиграция в чешском лингвистическом пространстве в 1920–1930-е годы // *На рубеже двух культур: российская эмиграция в межвоенной Чехословакии*. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 67–77. ISBN 978-5-7576-0259-2

21. *Ковалев М.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы собирания документов по истории освободительного движения // *Освободительное движение в России*. Вып. 24. Саратов, 2013. С. 68–89.

22. *Ковалев М.В.* Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия*. М.: Архив РАН, 2013. С. 131–138.

23. *Ковалев М.В.* «Всю жизнь Любавский не прерывал энергичной исследовательской работы»: неопубликованная статья А.А. Кизеветтера «Научно-исторические труды М.К. Любавского» // *Историографический сборник*. Саратов: Изд-во СГУ, 2014. Вып. 25. С. 114–117.

24. *Ульянкина Т.И., Ковалев М.В.* Деятельность М.М. Новикова в Братиславе (1939–1945) // *Институт истории естествознания и техники*

им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция, 2014 г. / Отв. ред. Ю.М. Батурич. М.: Изд-во ЛЕНАНД. 2014. С. 269–272.

25. Ковалев М.В. Антоний Васильевич Флоровский и Русский педагогический институт в Праге // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания / Под ред. А.В. Иванова и М.В. Ковалева. Саратов: СГТУ, 2014. Вып. 3. С. 144–159.

26. Ковалев М.В. «Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно...»: Письма профессора И.И. Лаппо С.Г. Пушкареву (1920–1940-х гг.) // Россия и Балтия. М.: Наука, 2015. Вып. 7. С. 138–164.

27. Ковалев М.В. Неизданная рецензия А.В. Флоровского на книгу Л.В. Черепнина // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10. Омск: Изд-во Омского. гос. ун-та, 2015 С. 463–468.

28. Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронезцев А.В. Давид Давидович Гримм и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М.В. Ковалева и И.Р. Плева. Саратов: СГТУ имени Ю.А. Гагарина, 2015. С. 72–92.

29. Ковалев М.В. А.В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М.В. Ковалева и И.Р. Плева. Саратов: СГТУ имени Ю.А. Гагарина, 2015. С. 136–183.

30. Ковалев М.В. К истории одного забытого исследования: А.В. Флоровский и его статья о Пряшевском плане австро-венгерского примирения 1710 г. // Россия и Венгрия на перекрестках истории. Вып. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С. 229–233.

31. Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм в эмиграции // История и историческая память. Саратов, 2016. Вып. 13/14. С. 82–92.

32. Ковалев М.В. «Мы живем в такое время, когда и небываемое бывает». Февральская революция глазами профессора Д.Д. Гримма // Отечественные архивы. 2017. № 2. С. 91–105.

33. Ковалев М.В. Венгерские историки и русская академическая эмиграция: к постановке проблемы // Историческая русистика в XXI-м веке: Материалы десятой международной научной конференции будапештского Центра Русистики. Будапешт: Russica Pannonicana, 2017. С. 308–315.

34. Иванов И.В., Русакова Е.А., Ковалев М.В. Павел Владимирович Отоцкий (1866–1954) – выдающийся деятель российского почвоведения // Проблемы истории, методологии и социологии почвоведения: Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. И.В. Иванов. Пущино: ООО «Товарищество научных изданий КМК», 2017. С. 135–140.

35. Ковалев М.В. П.В. Отоцкий и русская эмиграция в Чехословакии // Проблемы истории, методологии и социологии почвоведения:

Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. *И.В. Иванов*. Пушкино: ООО «Товарищество научных изданий КМК», 2017. С. 140–143.

36. *Ярская-Смирнова В.Н., Ковалев М.В.* Темпоральность революции в дискурсе русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Социология. 2017. Т. 10. № 3. С. 269–286.

37. *Афиани В.Ю., Ковалев М.В., Лаптева Т.Н.* К истории и перспективам изучения жизни и творчества Антония Васильевича Флоровского // Как зарождалась русская Прага: Материалы международного круглого стола, Прага, 26 июня 2017 г. / Отв. ред. *Е.И. Пивовар*. М.: РГГУ, 2017. С. 18–27.

38. *Ковалев М.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы публикации документальных памятников // Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М.: ООО «Старая Басманная», 2017. С. 175–182.

39. *Ковалев М.В.* Российская научная эмиграция в зеркале чешских архивов // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М.: Янус-К, 2018. С. 254–279.

40. *Ковалев М.В. М.М. Новиков об эмигрантской научной жизни в Чехословакии* // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М.: Янус-К, 2018. С. 418–436.

41. *Kovalev M.* Die imperiale Idee in der intellektuellen Kultur der russischen Emigration // Imperien, Nationen, Regionen: Imperiale Konzeptionen in Deutschland und Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts / Hrsg. *A. Wirsching* und *A. Čubar'jan*. Oldenbourg: De Gruyter Oldenbourg, 2018. S. 121–131.

42. *Ковалев М.В.* К биографии профессора Александра Николаевича Митинского (1875–1953) // Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова: годичная научная конференция, 2018. М.: Янус-К, 2018. С. 175–178.

43. *Ковалев М.В.* Мемуары профессора Александра Николаевича Митинского (1875–1953) как исторический источник // Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова: годичная научная конференция, 2018. М.: Янус-К, 2018. С. 122–125.

44. *Галчева Т., Ковалев М.В.* Переписка А.П. Мещерского с А.В. Флоровским (1956–1967) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск, 2018. С. 361–397.

45. *Ковалев М.В., Мирзеханов В.С.* Историки Зарубежной России: модели времени и жизни // Историческая память и российская идентичность / Под ред. *В.А. Тишкова* и *Е.А. Пивневой*. М.: РАН, 2018. С. 450–462.

46. *Иванов И.В., Русакова Е.А., Ковалев М.В.* Павел Владимирович Отоцкий (1866–1954) – ученый и организатор в почвоведении // Почвоведение. 2019. № 1. С. 122–128.

47. *Капустина М.А., Ковалев М.В.* С.А. Коновалов и развитие советологических исследований в Великобритании в 1930-е годы // Русское наследие в современном мире. Россия и Британия: страницы общей истории. Лондон: Русское наследие в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, 2019. С. 52–66.

48. *Ярская-Смирнова В.Н., Ковалев М.В.* Темпоральности сошлись: революция, изгнание, диаспора // Наследие С.Л. Франка в контексте русской и европейской культуры / Под ред. *М.О. Орлова*. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. С. 120–126.

49. *Ковалев М.В.* Изучение революции 1917 г. и Гражданской войны в Русском заграничном историческом архиве в Праге // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. *В.И. Шишкин*. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2019. С. 24–31.

50. *Ковалев М.В.* Ихтиолог Борис Сергеевич Костомаров (1897–1974) и Высшая сельскохозяйственная школа в Брно (по материалам чешских архивов) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М.: ИИЕТ РАН, 2020. С. 116–119.

51. *Ковалев М.В.* Русский ихтиолог и советизация чехословацкой науки: случай профессора Б.С. Костомарова // Историко-биологические исследования. 2021. № 3. С. 73–93.

52. *Ковалев М.В.* Е.Ф. Шмурло и его исследования о петровской эпохе // Петровское время в лицах – 2020: материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 107). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. С. 253–262.

53. *Ковалев М.В.* Советско-чехословацкие научные коммуникации 1948–1991 гг. сквозь призму неформальных связей ученых // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. Вып. 8 (38). С. 57–69.

54. *Ковалев М.В.* Венгерский византист Дюла Моравчик и его связи с российской наукой (по материалам Отдела рукописей и редких книг Библиотеки Венгерской академии наук) // Миллеровские чтения – 2022: «Науки производить и совершать». Начало академической науки в России: сборник статей / Сост. *Л.Д. Бондарь, М.В. Поникаровская, И.В. Тункина*. СПб.: «Реноме», 2023. С. 327–334.

55. *Ковалев М.В.* Краткий обзор материалов личного фонда Д.Н. Андрусова в Архиве Словацкой академии наук в Братиславе // Материалы II Международной конференции Российского националь-

ного комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 300-летию Российской академии наук (26 февраля – 1 марта 2024 г.) / Под ред. *P.A. Фандо*. М.: ИИЕТ РАН, 2024. С. 406–408.

56. *Kovalev M., Seres A.* Fethich Nándor és az orosz emigráns régészettudomány a két világháború között // *Polymatheia*. 2024. XXI. Évf. 1–2. Szám. 50–67. old.